«МЫ В ДОЛГУ ПЕРЕД НИМ»

Ушел великий сын земли Русской. Великий писатель. Великий гражданин. Великий правдоискатель. Он был явлением мировой культуры не потому, что был удостоен Нобелевской премии по литературе, а потому, что вступил в противоборство с системой, которая была глубочайшим заблуждением мировой истории.

Против многоглавого змия тоталитарного коммунизма восстал русский богатырь Александр Исаевич. Восстал, защищая свое личное мнение против жерновов, перемалывавших страну в кашу «морально-политического единст-

ва». И из окопов защитников Отечества от иноземных захватчиков угодил в «Архипелаг ГУЛАГ».

В лагерях духовно закалился, чтобы по выходе снова восстать правдой русской словесности. Молоху марксизма-ленинизма он противопоставил искусство слова. Он так описал «Один день Ивана Денисовича», что его повесть, обманув цензуру, глубоко залегла в сознание советского народа как мина замедленного действия, первая из серии его «гулаговских» трудов.

Не берусь судить, каким образом сочинения Солженицына вымывали известку, цементирующую кирпич советской стены. Еще до «Ивана Денисовича» я сам подался за бугор. Вот там-то мне и довелось быть свидетелем, как искусство писателя стало чуть ли не самым действенным противоядием воздействию марксизма и советской пропаганды на общественное мнение на Западе.

Были и до Солженицына люди, кто правдиво описывал советскую систему. Среди них были и советские перебежчики: Борис Бажанов, Иван Солоневич, Виктор Кравченко, Игорь Гузенко, Оксана Касенкина, Николай Хохлов и десятки других. Но в их трудах не было того литературного мастерства, что могло бы увлечь далекого от политики массового западного читателя.

Они писали об СССР извне, а Солженицын изнутри. К тому же с подачи советской пропаганды западные СМИ часто дискредитировали перебежчиков: они-де «предатели» и «отщепенцы» и им нельзя доверять. Романы же Солженицына с самого начала завоевали доверие западного читателя. Их «антисоветская» направленность не вызывала отторжения даже среди просоветски настроенных читателей, каковых на Западе было гораздо больше, чем это принято считать.

Автор так искусно входил в роль каждого из своих героев, что создавалась иллюзия, что вот этот-то герой и выражает его взгляды. Его романы, как и «Архипелаг ГУЛАГ», стали бестселлерами на Западе. Их тираж превзошел тираж всех пусть правдивых, но не освященных светом искусства книг об СССР.

Солженицын сам назвал свой творческий метод полифоническим, «многоголосым», близким методу Достоевского в определении Михаила Бахтина. Читатель Достоевского порой не мог определить, кому из братьев Карамазовых тот отдает предпочтение. Так и читатель Солженицына не был уверен, кто же из спорщиков «Первого круга» ближе всего ему. Конечно, у Солженицына, как и у Достоевского, были свои любимые «идеологи». Но главный посыл романа был в его «диалогической» структуре, которая противостояла «монологу» социалистического реализма и подрывала привычку к тоталитарному мышлению.

Именно романы Солженицына вызвали переворот в умах так называемой «прогрессивной» западной интеллигенции. Во Франции заговорили о «детях Солженицына», выросших среди философов левого толка. Вкупе с реформами Дубчека в Чехословакии, ростом профсоюзного движения «Солидарность» в Польше, с подъемом диссидентского движения в СССР сочинения Солженицына сделали процесс развенчания советской системы необратимым.

А его изгнание из СССР в 1973 году поставило под сомнение советскую пропаганду «мирного сосуществования стран с разными политическими системами». На этот лозунг раньше легко покупались не только левые «писники», но и завзятые поборники капитализма. «Если вы не можете сосуществовать под одной крышей с вашим собственным писателем, как же мы можем поверить в то, что вы будете мирно сосуществовать с нами?»

Свои «политические» карты писатель приоткрыл в «Письме советским вождям» 1973 года. Он предложил им отказаться от марксистской идеологии и постепенно перейти на идеологию защиты государственных и национальных интересов России. Не знаю, как советские вожди реагировали на это письмо. Но западным либералам и русофобам, задававшим тон на СМИ, оно явно не понравилось. Солженицына начали порицать за «ретроградность» и «русский шовинизм».

В других выступлениях он критиковал западных политиков, игравших с Кремлем в поддавки. СМИ назвали эту критику антизападной. На самом деле Солженицын критиковал не фундаментальные ценности Запада, а нерадивость западных элит в защите этих ценностей от посягательств коммунизма.

Тогда же, в пику преобладавшему мнению, Александр Исаевич заявил, что дни Советского Союза сочтены и что не только его книги, но и он сам вернется в свободную Россию. Его сочли чуть ли не сумасшедшим. Писал бы де свои романы, а в политику не лез. Рьяные сторонники разрядки стали клеймить его «монархистом», «православным фанатиком» и «антисемитом».

Он, сказавший однажды, что в стране, где нет легальной оппозиции, роль «второго правительства» играет писатель, оказался прав. И вернулся в Россию триумфально, сначала книгами, а потом и сам в 1994-м.

Увы, свобода, о которой Солженицын мечтал, помимо гражданских прав, принесла огромные тяготы для миллионов. Поставила под угрозу само существование русского государства. Не произошло ли это из-за того, что постсоветские реформаторы если и читали его программное эссе «Как нам обустроить Россию» в 1991 году, то внимательнее ли, чем советские вожди читали его письмо в 1973-м? Во всяком случае, они не вняли его призыву думать прежде всего о «сбережении народа».

Не пришелся Александр Исаевич ко двору кремлевским насельникам. Он вынужден был отвлечься от главного труда на описание «России в обвале». «О каком обвале говорит этот старомодный классик?» — возмущались новые хозяева России. Надо было отгреметь дефолту, прежде чем его призыв к строительству суверенного государства был услышан. Приход к власти государственников — сначала Примакова, а потом Путина — чуть-чуть успокоил Александра Исаевича. Но не настолько, чтоб перестать писать ради России. И он воздвиг себе памятник нерукотворный, художественно воссоздав из пепла революции историю России XX века в эпопее «Красное колесо».

«Старомодный классик» оказался на поколение впереди подневольной страны и «прогрессивного» Запада. Первый призвал страну «жить не по лжи». Одним из первых предсказал падение СССР и предлагал альтернативы, обусловленные историей и культурой России. Если его планы обустройства казались несвоевременными, так не потому ли, что в них много было давно забытого или намеренно искаженного старого?

Александр Исаевич до последнего дня был в боевом строю за будущее России. Мы все в долгу перед ним.

Владислав КРАСНОВ,
Общество российско-американской дружбы
в Вашингтоне